Рецензии

Feuchtwang, S. (ed.) (2020) *Handbook on Religion in China*. Cheltenham: Edward Elgar. — 488 pp.

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-2-305-312

Рецензируемая работа, озаглавленная как «Справочник по религии в Китае» (*Handbook on Religion in China*), издана в 2020 году в серии *Handbooks of Research on Contemporary China Series*[1] независимого академического издательства «Edward Elgar Publishing»[2]. Редактор книги — профессор антропологии Лондонской школы экономики и политических наук Стефан Фейхтванг, специализирующийся на изучении народной религии в Китае. Композиционно справочник представляет собой сборник статей, посвященных проблемам религии (и отдельных религий) в Китае. Однако его название может ввести в заблуждение читателя, надеющегося найти в книге собственно религиоведческие изыскания: в книге рассматривается положение религии именно в современном Китае и притом только в КНР. Работы выстроены в популярной ныне междисциплинарной парадигме, уделяющей внимание больше социально-политическим, медийным и гендерным аспектам, нежели темам, традиционным для академического религиоведения (история религий, в первую очередь, или «неофеноменология религии» Ж. Ваарденбурга[3]). Редактор сам признает, что книга может оказаться сюрпризом для читателей, ожидающих от нее анализа религии в привычном смысле этого слова (p. 10). Досадно, что заглавие работы может ввести читателя в заблуждение: логичнее

1. Goodman, D.S.G. (ed.) *Handbooks of Research on Contemporary China Series* [https://www.e-elgar.com/shop/gbp/book-series/asian-studies/handbooks-of-research-on-contemporary-china-series.html, accessed on 12.06.2022].
2. Edward Elgar Publishing [https://www.e-elgar.com/about/about-us/, accessed on 12.06.2022].
3. См., например, *Ваарденбург Ж.* Религия и религии: систематическое введение в религиоведение / Пер. с нем. А.Г. Алексаняна, под ред. А.Ю. Рахманина. СПб.: Издательство РХГА, 2016.

было бы добавить пояснение, что речь идет о современном Китае, и многие вопросы отпали бы сами собой.

Структурно книга поделена на четыре части по 4–5 статей в каждой. Начинается она с социально-политической тематики, затем изложение переходит к конкретным религиям. Каждая статья сопровождается списком литературы и словариком китайских терминов, выдержанным в таком порядке: транскрипция *пиньинь цзыму*, затем иероглифическое написание (кроме статей, посвященных тибетским религиям и уйгурскому исламу) и, наконец, английский перевод-истолкование. Несколько смущает отсутствие унификации в иероглифическом написании: в одной статье дается написание т.н. «сложными» иероглифами, в других — «упрощенными». Оптимальным представляется «дублирующий» вариант — современная терминология (главным образом политическая и общественная лексика КНР) дается упрощенными, а в скобках дается «сложный» вариант и, наоборот, «классическая» терминология (названия произведений, имена богов и названия ритуалов) дается в традиционном написании, дублируемом в скобках упрощенной версией. Это, впрочем, вопросы технического оформления и художественного вкуса.

Первая часть, озаглавленная «Государственная политика, гражданское общество и культурное возрождение», посвящена, как видно из заголовка, общественно-политическим вопросам религии в современном Китае и включает в себя пять глав.

Глава 1, «Религиозная политика в Китае», освещает принципы государственной политики КНР по отношению к религии и так называемым «суевериям» в связи с интересами правительства в области «культурного наследия» и туристического бизнеса. Речь идет, главным образом, о попытках центральных и местных властей использовать традиционные религиозные идеи и ценности для укрепления государственной идеологии и обоснования незыблемости китайского государства. Одновременно автор уделяет большое внимание преследованиям и контролю за некоторыми религиозными движениями, представляющими, с точки зрения государства, определенную угрозу: тибетский буддизм в Тибете, по мнению автора, вызывает серьезное беспокойство властей в связи с личностью Далай-ламы как религиозно-политического лидера; ислам в СУАР (Синьцзян-Уйгурский автономный район) связывается с сепаратистскими исламистскими тенденциями некитайского населения, что, как утверждает

автор статьи, вызывает жесткие репрессивные меры (упоминаются «перевоспитательные лагеря» в Синьцзяне и т.п.). Не менее ислама и тибетского буддизма, как пишет автор, страдает и христианство — сносятся бульдозерами и закрываются незарегистрированные храмы, идет тотальное усиление «цифровой слежки». Подобным мероприятиям автор противопоставляет более либеральные и свободные в области религиозной политики Тайвань и Гонконг, выражая опасение, что щупальца пекинской администрации могут дотянуться и до них.

Главы 2 и 3 («Благотворительность и благочестивая религиозная жизнь в Китае» и «Воссоздавая себя: духовность, цивилизация и китайский поиск благой жизни в эпоху реформ») тематически связаны и дополняют друг друга. В обеих предпринимается попытка рассмотреть и проанализировать современные тенденции к религиозному самосовершенствованию (групповому и индивидуальному) в современном китайском обществе. В главе 2 речь идет о роли благотворительных организаций в гражданском обществе, о важности идеи благотворительности в истории Китая и о двух ее современных выражениях — в КНР и на Тайване. Авторы подробно рассматривают феномен неожиданного роста подобных организаций в 80-е годы прошлого века, давая ему специфическое обозначение — «индустриализованная благотворительность» (*industrialized philanthropy*). Учитывая государственно-административную базу подобных благотворительных организаций и в КНР, и на Тайване, авторы определяют это явление как политическую стратегию, с той только разницей, что для КНР это — защитная стратегия, в которой благотворительные НПО включают в себя представителей администрации и, по сути, выполняют их поручения, тогда как на Тайване подобные организации, напротив, оказывают помощь и поддержку государственным органам.

Глава 3 затрагивает вопросы традиционных и гибридных духовно-соматических практик, играющих, по мнению авторов статьи, роль крипто-религиозного «противовеса». Другим, по мнению исследователей, фактором является возрастающая индивидуализация китайцев (особенно в крупных городах), а также влияние западных (главным образом американских) и индийских популярных и коммерциализованных техник (всевозможные варианты йоги, медитации и популярной психологии). Тем не менее, полагают авторы, эти тенденции не идут вразрез с культур-

ной политикой «мягкой силы», проповедуемой идеологией КПК, а, напротив, помогают укрепить и «склеить» социально-психологический (и моральный) фундамент общества, будучи выражением того, что авторы называют *self-cultivation* (самовоспитание), и сочетая в себе как элементы «инородного» (моду на западную по своему происхождению «поп-психологию» и вестернизированные разновидности йоги, фитнеса), так и традиционно-китайского (*тайцзицюань, цигун* и пр.).

Глава 4, «Современное конфуцианское возрождение в перспективе», рассматривает любопытное явление 2000-х годов — не только рост интереса к Конфуцию и его наследию, но и попытки претворения этого наследия в жизнь в качестве идейных мотиваторов и соблюдения предписанных им ритуалов (семейных, «корпоративных»). Руководящую роль в этом играют местные предприниматели и представители властей, издается соответствующая литература, выпускается разнообразная медиапродукция, открываются памятники Конфуцию. По мнению автора, хотя конфуцианство и не является религией, тем не менее, мода на него и практически возведение в культ наделяют его, по сути, парарелигиозным статусом: в частности, автор говорит о «конфуцианских» школах и семинарах как о своего рода «медресе», имея в виду зазубривание наизусть большого количества конфуцианских текстов; о мероприятиях, носящих квазирелигиозный или культовый характер.

В главе 5, написанной китайским исследователем и озаглавленной «Наследие и религия в Китае», рассматривается проблема т.н. «культурного наследия» (религиозные места, праздники, фольклор и традиции национальных меньшинств в КНР) и встраивания его в политико-предпринимательскую стратегию, господствующую в умах чиновников КПК (культурная пропаганда «традиций» Китая, развитие туристического бизнеса и подобное). При этом чиновники пренебрегают реальными фактами, нередко искажают их, чтобы представить их «более привлекательными» для туристов. Автор указывает на опасность подмены и размывания реальных традиционных ценностей — как материальных, так и духовных.

Вторая часть книги, «Возрожденные и модернизированные традиции», носит более социологическо-этнографический характер и посвящена тем религиозным традициям, которые оказываются за рамками официально признанных религиозных организаций. Глава 6 посвяще-

на таким обрядам жизненного цикла, как рождения, свадьбы и похороны в сельской и городской среде. В главе 7 автор рассматривает взаимосвязь между храмами и празднествами в сельской местности и в городе, показывает их важную роль в семейных и социальных отношениях и в процессе культурной и социальной самоидентификации. Глава 8 посвящена такому важному явлению китайской культуры, как гадание и связанные с ним понятия судьбы, участи, рока. Описываются различные типы гаданий и прогностических практик (в том числе и в исторической ретроспективе, начиная с *цзягувэнь* — иероглифических надписей на гадательных костях, датируемых XIV–XI вв. до н. э.), при этом автор выделяет два основных, которые он называет коррелятивным (гадательно-магические практики) и коммуникативным (медиумизм). Причины роста интереса к ним автор видит в том, что они представляют для современного человека способы и методы контроля и прояснения неопределенности меняющегося мира, но одновременно являются «во все большей мере источником локальной и культурной идентичности» (p. 195). Глава 9 посвящена т.н. «обществам искупления» (*цзюшу/цзюши туаньти*) — организациям универсалистского типа, исповедующими идеи глобального спасения-искупления и морального самосовершенствования с милленаристской и эсхатологической окраской (типа *Игуаньдао*).

Третья часть, озаглавленная «Даосизм, буддизм, Тибет, наси», буквально отражает тематику составляющих ее глав. Главы 10 и 11 посвящены современному даосизму: первая рассматривает даосов как знатоков домашних ритуалов, их роль и значение в современном китайском обществе, вторая касается даосизма и даосских организаций в современном Китае. Китайскому буддизму, а также Тибету и тибетскому буддизму посвящены главы 12 и 13, анализирующие многообразие школ китайского и тибетского буддизма, причины этого многообразия и государственную политику КНР по отношению к буддизму в Тибете и буддизму вообще. Глава 14 посвящена почитанию предков и специфическим ритуалам «возвращения предков» в практике *дунба*[4] сре-

4. *Дунба* (кит. 东巴, наси $^{2}dto^{1}mba$) обозначает одновременно и религиозную практику шаманистско-анимистического типа, и религиозную письменность народности *наси*. Типологически религия *дунба* близка шаманизму и испытала, по мнению современных исследователей, сильное влияние *бон*. На русском языке см., напр.: *Грачева Ю.А.* Письменность дунба: отражение древней истории народа наси // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 2.

ди тибето-бирманских народностей (в частности *наси*) юго-запада Китая.

Четвертая и последняя часть монографии касается двух мировых религий — ислама и христианства. Ислам и специфика обращения в него китайцев среди *хуэйцзу* рассматриваются в главе 15. Так, автор освещает проблему т.н. «парадокса признания» среди слоя интеллектуалов *хуэй*: пытаясь самоидентифицироваться, они подчеркивают, с одной стороны, уникальность миссии именно мусульман-*хуэй*, а с другой, признавая свою «неполноценность»[5], делают акцент на своей *китайской* идентичности, пытаясь в этом, по удачному выражению автора, быть «больше ханьцами, чем сами ханьцы» (p. 363). Особенности религиозной традиции среди уйгуров исследуются венгерским тюркологом Илдико Беллер-Ханн в главе 16. Автор дает ретроспективную картину уйгурской религиозности, начиная с доисламских верований и периода исламизации народов, обитавших на территории Таримского бассейна (VIII в. н.э.) и вплоть до наших дней.

Три следующие главы посвящены христианству (протестантизму и католицизму) в современном Китае. Авторы обращают внимание на то, что если ислам в КНР ассоциируется с идеей джихада, то христианство представляется выразителем идей евроамериканского империализма. Освещается крайне непростая история взаимоотношений государства и христианства — от попыток правительства использовать в своих интересах лояльные и прокоммунистические течения, через буквальный террор «культурной революции», вплоть до подъема интереса к христианству в начале 80-х гг. прошлого века; подчеркивается неоднозначное отношение властей к христианским организациям, колеблющееся от одобрения до фактического преследования. Отдельно рассматривается феномен «домашних церквей» (*цзятин цзяохуй*), своеобразной «оппозиции» официально признанным религиозным организациям, формировавшийся в период с 1958 по 1979 гг. как аполитическое «подпольное» направ-

С. 285–305; *Грачева Ю.А.* Предки народа *наси* (по источникам эпохи Хань и Троецарствия) // Общество и государство в Китае. 2017. Т. 47. № 1. С. 118–139.

5. «Неполноценность» выражается в недостаточной «мусульманскости» *хуэй*: так, *хадж* до недавнего времени был сравнительно редким (если вовсе не исключительным) явлением, арабское произношение, выученное вне центров исламской культуры, несет на себе следы персидского языка, что отражается в первую очередь в «не-арабском» рецитировании Корана (*таджвид*) и т.п.

ление, сосредотачивавшееся не на политике, а исключительно на религии. Несмотря на некоторые дальнейшие послабления в религиозной политике официальных властей, «домашние церкви» продолжают сохраняться как явление по большей части внутрисемейное, как своего рода «убежище», особенно, по мнению автора, с момента прихода к власти Си Цзиньпина и ужесточения контроля над независимыми христианскими организациями. Подобная ситуация наблюдается и среди китайских католиков: испытав на себе жесткое давление со стороны государства в период «культурной революции», они также ушли в подполье, создав то, что автор называет «подпольной церковью» (underground church). Послабления, начавшиеся с конца 70-х — начала 80-х годов XX века, несколько улучшили положение католической церкви: усилились активные контакты с Ватиканом, было отрегулировано преподавание религиозных предметов; начала происходить, как выражается автор, «индигенизация снизу» (т. е. не официальная) католичества — во внимание стала приниматься китайская культура (главным образом, философские традиции), учитывалась центральная для китайской картины мира роль семьи. В данных главах отмечается тенденция христианских деноминаций к самостоятельности, независимости от властей, «уходу в подполье»; использование протестантских ресурсов для ведения патриотической пропаганды; феномен обращения в христианство, часто связанный с идеалом западного «успешного человека».

Резюмируя вышесказанное, хотелось бы выделить несколько вызывающих смущение пунктов.

Во-первых, работа представлена как справочное пособие (*Handbook*), но является, скорее, как уже было сказано выше, фактически сборником авторских статей на тему религии в *современном* Китае.

Во-вторых, некоторое недоумение вызывает композиция книги: справочник обыкновенно предполагает структуру, упорядоченную либо тематически, либо хронологически. В данной же работе первая часть носит политологический характер, а три остальные — в большей мере характер социологически-этнографический, хотя лейтмотивом через всю работу проходит именно анализ роли официальной политики КПК в сфере религии.

В-третьих, книга сильно выиграла бы, если бы соблюдался исторический принцип: нелишним было бы в главах, посвященных конкретным религиям,

предпосылать исторический очерк, что только обогатило бы их и позволило бы читателю-неспециалисту понять механизм эволюции этих религий и их место в традиционном и современном Китае. Кроме того, крайне мало места (за исключением отдельных глав) уделено т.н. «народным религиям (*миньцзянь цзунцзяо*), хотя в 2003 году на английском языке был издан замечательный компендиум Хуберта Зейверта (в соавторстве с Ма Сиша) «Народные религиозные движения и инославные секты в истории Китая»[6], обращение к которому (и к другим многочисленным работам Ма Сиша) только обогатили бы и улучшили содержание рецензируемой книги. Огорчительно и то, что западным исследователям неизвестны работы российских китаистов, но это, к сожалению, ожидаемо: *Rossica non legitur*. Также примечательно, что в разделе, посвященном христианству в Китае, не упомянуто православие, но, учитывая сферу интересов авторов, их трудно в этом упрекнуть.

Итак, книга может озадачить читателя, если воспринимать ее как «Руководство», «Справочник»; однако как *опыт* она вполне заслуживает высокой оценки и рекомендации к ознакомлению.

А. Алексанян

6. Seiwert, H. (2003) *Popular Religious Movements and Heterodox Sects in Chinese History*. Leiden: Brill, 2003.

Библиография / References

Ваарденбург Ж. Религия и религии: систематическое введение в религиоведение / Пер. с нем. А. Г. Алексаняна, под ред. А. Ю. Рахманина. СПб.: Издательство РХГА, 2016.

Грачева Ю. А. Письменность дунба: отражение древней истории народа наси // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 2. С. 285–305.

Грачева Ю. А. Предки народа наси (по источникам эпохи Хань и Троецарствия). Общество и государство в Китае. 2017. Т. 47. № 1. С. 118–139.

Gracheva, Iu. A. (2015) “Pis’mennost’ dunba: otrazhenie drevnei istorii naroda nasi” [Dunba writing: a reflection of the ancient history of the Nakhi people], *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* 45(2): 285–305.

Gracheva, Iu. A. (2017) “Predki naroda nasi (po istochnikam epokhi Khan’ i Troetsarstviia)” [The ancestors of the Naxi people (according to sources from the Han and Three Kingdoms eras)], *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* 47(1): 118–139.

Seiwert, H. (2003) *Popular Religious Movements and Heterodox Sects in Chinese History*. Leiden: Brill.

Vaardenburg, Zh. (2016) *Religiia i religii: sistematicheskoe vvedenie v religiovedeniei* [Religion and Religions: Systematic Introduction to Religious Studies]. SPb.: Izdatel’stvo RKhGA.